

Социология государства и социология свободы

Памяти Д.Е. Фурмана

Александр Марков

От редакции. 22 июля скончался замечательный российский ученый Дмитрий Фурман. Резонанс его исследований в области социологии и современной политической истории России выходил далеко за пределы научной среды. Они имели общественное звучание. Дмитрий Фурман был социальным философом и публицистом. т.е. тем, что в англоязычной среде называют *public philosopher*. О наследии Дмитрия Фурмана размышляет **Александр Марков**, научный сотрудник МГУ имени М.В. Ломоносова, философ, теоретик культуры.

* * *

Дмитрий Ефимович Фурман был первым социологом из поколения шестидесятников, который понял не только идеологическую, но и географическую ограниченность «шестидесятничества». В то время, как многие его коллеги продолжали примеривать идеалы социалистического производства к меняющейся реальности, думая о том, как можно сохранить эффективную мобилизационную экономику в обществе, которое уже не желает мобилизаций, - Фурман уже исследовал, как вал потребления захватывает «центры», как капиталистические, так и социалистические, вытесняя былые идеалы на периферию.

Магистральная тема размышлений Фурмана – природа государственной власти. Анализ внутренней политики был всегда для него определяющим: рассматривая становление политических институтов в государствах, возникших после распада СССР, он очень редко ссылаясь на воздействие внешних факторов, и тем более общемировых тенденций. Он стремился вскрыть особенности политической жизни на постсоветском пространстве исходя не просто из внутренних конфликтов между группами, сколько из идеалов «элиты» и «населения». «Элита» обычно руководствуется идеалами, которые в готовом виде берутся из опыта прошлого, тогда как «население» воображает себе идеалы по противоположности той мрачной действительности, которую видит вокруг. Согласно Фурману, переход таких стран, как Казахстан или Азербайджан, от демократических процессов к авторитарной модели управления, определялся не столько чаяниями масс, сколько несоответствием между широкими возможностями элиты и отсутствием у неё ясных представлений о том, по какому пути должна развиваться страна.

Авторитарное управление возникло как механизм, защищающий от срывов как в агрессивный национализм, так и в копирование опыта соседних государств, например, Турции, что тоже могло бы привести к подъёму национального движения снизу. Элита не знала, идти ли по пути создания прозрачной политической системы (грозящей усилением национальных меньшинств), или же копировать опыт прошлого или опыт соседей (что привело бы к непопулярному среди населения вовлечению страны в орбиту их влияния). Отсутствие политического идеала у власти обезоружило и массы, которые предпочли согласиться с исправно работающей системой.

Но взгляд Фурмана на Россию, как на часть постсоветского пространства, совсем другой. Российская элита, как интеллектуальная, так и финансовая, как раз очень отчётливо видела перспективу развития государства: отказ от коммунистического опыта, построение федеративного государства, в котором невозможны конфликты между центром и регионами, усиление «полномочий» центра и одновременно «прав» регионов. Такая программа, не оставлявшая места неопределённости, с которой столкнулись бывшие республики, усилила элиту и ослабила оппозицию – никто из элиты не хотел иметь дела с альянсом коммунистических и националистических сил.

В отличие, скажем, от Украины, где оппозиция была необходимым фактором национального самосознания, в России исторически оппозиция проявляла себя только в тех случаях, когда отношения с властью оказывались

радикально испорчены, например, при решении «земельного вопроса». В остальных случаях оппозиция, указывая на непродуманность решений власти, предлагала не столько программу действий, сколько «идеалы». Но она пыталась сформировать эти «идеалы» как исходящие от народа, тогда как народные идеалы, как показывал Фурман, возникают на совершенно иных принципах, чем идеалы элиты.

Есть ли какой-то канал, который может соединить исторически обоснованные идеалы элиты и неопределенные чаяния народа? Таким каналом для Фурмана была «свобода совести» не только в конституционном, но и культурном смысле: то исповедание убеждений (религиозных или секулярно-гражданских), которое требует от народа услышать аргументацию элиты, а от элиты – принимать решения не по готовым указаниям и правилам, а по совести.

Мысль выдающегося социолога религии исключительно важна: слишком часто с религиозным фактором связывают традиционализм, практический консерватизм и поддержание косных политико-правовых институтов, и очень редко в религиозной жизни видят ту «свободу совести», которая позволяет примерить на себя положение другого человека.

Благодаря «свободе совести», включающей в себя и важные формы гражданского самосознания, принятие решений в демократическом государстве отвечает не только интересам отдельных групп, но и той тоске по свободе, которая остается даже у самого прагматически мыслящего человека. Именно в этом увеличении степени свободы и рождается настоящая демократия, включающая в себя не только хищную борьбу партий, но и готовность населения услышать свою политическую элиту, и ответить на ее призыв учреждением новых, более справедливых институтов управления.

Вряд ли Фурман будет широко услышан в Азербайджане или Казахстане, озабоченных скорее глобальным экономическим кризисом, чем основаниями своего суверенитета. Но есть надежда, что он будет услышан в России, которая не может до бесконечности определять себя через отношение к ней соседей, или через отвлеченные понятия централизации и децентрализации, через фантомы «официальной политики» и «угрозы распада», но должна как можно скорее вспомнить и о своем реальном состоянии.

02.08.11 14:43